ЭВОЛЮЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДОГОВОРНОМ ПРАВЕ: ОТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

С.С. ЗАНКОВСКИЙ, доктор юридических наук,
профессор, главный научный сотрудник Института
государства и права РАН,

С.М. МОТУРЕНКО, кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник Института государства
и права РАН

Ключевые слова: имущественная ответственность, договор, убытки, законодательство, период, гражданское право, доктрина, сторона, неустойка, интерес, предприятие, план.

В статье рассмотрено три основных периода становления имущественной ответственности в договорном праве России. Критерием выделения данных периодов послужило общественно-экономическое устройство страны. Сделаны выводы о том, что первый, имперский, период, основанный на постулатах классической цивилистики с российской спецификой, послужил основой для строительства советского гражданского права и отличался детальным регулированием широкого круга отношений; имевшиеся пробелы в законе восполнялись доктриной и судебной практикой. В советский период роль ответственности определялась значением договора, а его роль была невысока на фоне обязательных к исполнению государственных плановых заданий. В современный период, помимо традиционной, появилась «околодоговорная» ответственность с использованием западных образцов. Реализации положений ГК РФ об ответственности мешают нечеткие формулировки норм ГК, которые в известной мере корректируются судебной практикой.

The article considers three main periods of formation of property liability in the contract law of Russia. The socio-economic structure of the country served as a criterion for selecting these periods. It is concluded that the first, Imperial, period based on the postulates of classical civil law with Russian specifics, served as the basis for the construction of Soviet civil law and was characterized by detailed regulation of a wide range of relations, the existing gaps in the law were filled by judicial practice. In the Soviet period, the role of responsibility was determined by the value of the contract, and its role was low against the background of mandatory state planning tasks. In the modern period, in addition to the traditional, there was a 'near-contractual' liability using Western models. The implementation of the provisions of the civil code on liability is hindered by unclear wording of the civil code rules, which are to a certain extent corrected by judicial practice.

Keywords: property liability, contract, damages, legislation, period, civil law, doctrine, party, penalty, interest, enterprise, plan.

Ответственность — инструмент договорного права, и по этой причине от нее трудно ожидать какого-то

самостоятельного, в отличие от договорных обязательств, пути развития. Тем не менее как в законодательстве, так и в доктрине и практике договорной ответственности, взятых с исторических позиций, можно обнаружить ее любопытные особенности, которые и составляют предмет этой статьи.

1. И поскольку речь идет об эволюции, обратимся вначале к периоду, предшествовавшему большевистскому перевороту, тем более что следы русской юридической культуры обнаруживаются в законах и научных трудах советского времени.

Применительно к убыткам термин «ответственность» по общему правилу не встречался в имперском гражданском законодательстве и научной литературе. Последняя в наше время под ответственностью понимает преимущественно возмещение убытков и взыскание неустойки, в то время как в рассматриваемый период к ответственности относили убытки, а неустойку с полным основанием считали способом обеспечения.

Еще одна особенность состояла в том, что размер неустойки в самых редких случаях устанавливался законодательно, а в остальном определение неустойки было оставлено на усмотрение сторон договора. Штрафы, налагаемые на частных лиц, например, в соответствии с Уставом строительным 1881 г., к договорам отношения не имели и представляли собой административные меры воздействия за нарушение закрепленных в уставе правил. Размер неустойки законом ограничен не был, за исключением Черниговской и Полтавской губерний, где он не мог превышать суммы самого обязательства, что было воспринято русским законодателем из положений Литовского статута.

Такой подход к неустойке, оставлявшей основания для ее установления в договоре и размер на волю сторон, вытекал из общей линии на их свободное усмотрение в сфере частных интересов. То же направление можно видеть в отношении к предварительным договорам: требование заключить основной договор сталкивалось с положением о свободном согласии договаривающихся, а поэтому никто не мог быть принужден к вступлению в договор силой.

Данная особенность отличала неустойку рассматриваемого периода от советской неустойки, размер которой, в том числе по таким распространенным договорам, как поставка и подряд на капитальное строительство, определялся нормативно и широко по той причине, что о свободе договора в условиях абсолютного превалирования государственной собственности и планового хозяйства речи не шло.

Кроме того, в советские времена на имущественную ответственность государственных предприятий, а других хозяйствующих субъектов в обороте было очень мало, смотрели скептически. Во-первых, взыскание штрафных санкций за нарушение договора одним госпредприятием с другого означало «перекладывание государственных средств из одного кармана в другой»; во-вторых, сами эти меры ответственности не оказывали на нарушителя особого воздействия. Главным для него было выполнение государственного

плана по выпуску продукции; все остальное составляло второстепенные детали.

В фундаментальной работе «Экономические санкции и дисциплина поставок», подготовленной авторским коллективом Института экономики промышленности Академии наук Украины под руководством В.К. Мамутова, был сделан вывод: можно, например, сорвать поставку продукции многим потребителям и отделаться, да и то не всегда, уплатой штрафа, не только не вызвав отрицательной реакции со стороны ряда органов, призванных оценивать поведение и способных оказать воздействие, но и даже получив премию за выполнение плана реализации и за успехи в социалистическом соревновании.

Еще одна специфическая черта применения ответственности в период до 1917 г. заключалась в определяющем значении доктрины, а вслед за ней и судебной практики, что объяснялось как традицией, так и краткостью норм об ответственности уже упоминавшихся Законов гражданских на фоне широкого спектра отношений, регулируемых этим актом.

Так, Г.Ф. Шершеневич отмечал, что современное ему законодательство обязывает виновника только к возмещению прямых убытков, и полагал, что необходимо взыскивать и неполученные доходы. Эта позиция, которую разделяли также и другие авторы, нашла отклик в судебной практике Правительствующего сената.

Особенность Законов гражданских составляла конкретика в правовом регулировании, в ущерб общим понятиям и определениям. Поэтому, например, вывод о презумпции вины причинителя вреда приходилось делать доктринально на основании сопоставительного анализа ряда статей указанного законодательного акта.

Но в остальном та же особенность, когда законодатель входил во все мыслимые детали регулируемых правоотношений, была полезна, что видно на примере Положения о казенных подрядах и поставках. Этот глубоко проработанный акт написан, в отличие от Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), языком, понятным и в нашем веке, а применительно к ответственности показывает сбалансированный подход: с неисправного подрядчика или поставщика подлежала взысканию неустойка по 1/2 процента в месяц от стоимости просроченной поставки до исполнения договора или достижением штрафа предельного лимита в 6 процентов.

Законы гражданские действовали в сочетании с уставами: Торговым, Строительным, Кредитным, сельского хозяйства, о векселях, железных дорогах, что позволило создать понятную и детальную правовую основу договорного права. И хотя проблематика ответственности в поздний имперский период была урегулирована с пробелами, их восполняла правовая доктрина и судебная практика.

В конце XIX — начале XX века у русских правоведов имелись планы по совершенствованию гражданского законодательства с учетом предложений доктрины и наработанной практики.

2. Этим планам не суждено было сбыться по известным причинам, когда после 1917 г. Россия

покинула правовое пространство и вошла в зону «интересов пролетариата», которые следовало понимать так, как это предлагалось пришедшими к власти кремлевскими большевиками, искать среди которых пролетариев было делом безнадежным.

И поскольку прежнее законодательство не отвечало этим интересам, следовало создать новое. По этому поводу любопытны указания Ленина: «Не перенимать (вернее, не дать себя надуть тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое. ...Вырабатывать новое гражданское право, новое отношение к “частным” договорам и т.п. Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. ...Расширить применение государственного вмешательства в “частноправовые” отношения; расширить право государства отменять “частные” договоры; применять не *corpus juris romani* к “гражданским правоотношениям”, а наше революционное правосознание; показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как это надо делать с умом и энергией; через партию шельмовать и выгонять тех членов ревтрибуналов и нарсудей, кои не учатся этому и не хотят понять этого».

И судьи действительно приходили, например, к выводу о том, что закон о неустойке — пережиток старого времени, дающий оружие капиталу в его борьбе с трудом, богатому — в борьбе с бедным.

Тем не менее первый советский, нэповский ГК 1922 г. оказался построен по канонам классической цивилистики, хотя его содержание напоминает одну большую телеграмму, когда перед составителем стоит задача поместить как можно больше мыслей в ограниченный объем при сжатых временных ресурсах. В этом ГК уже присутствуют в составе убытков неполученные доходы (ст. 117), а подлежащая уплате неустойка судом по просьбе должника могла быть уменьшена, если она чрезмерно велика по сравнению с действительными убытками кредитора. Кроме того, суд должен был принять во внимание степень выполнения обязательства должником; имущественное положение той и другой стороны; иной заслуживающий уважения интерес кредитора (ст. 142).

И, несмотря на классовую направленность этого ГК и ту же ориентацию правоприменения, его принятие в условиях советской власти было несомненным благом в сравнении с «революционным правосознанием» — основой правового нигилизма.

Применительно к ответственности ГК 1922 г. был шагом вперед, но при оценке правоприменения надо понимать, что гораздо важнее его норм для судов были указания партийных органов как по отдельным категориям дел, так и по конкретным спорам.

Большевикам, однако, не удалось создать новое гражданское законодательство, которое они могли бы поставить себе в заслугу: в обоих гражданских кодексах советского периода ясно виден *corpus juris romani*. Данное обстоятельство облегчало жизнь исследователей, но в то же время, не имея возможности по соображениям цензуры дать объективную оценку советскому договорному праву, они могли использовать два

варианта работы: изучать отдельные аспекты ответственности или, во втором варианте, объяснять с позиций марксизма-ленинизма, зачем она нужна, когда и должник, и кредитор — государственные структуры, имущество которых принадлежит тому же государству.

К первому варианту относится, в частности, работа М.М. Агаркова 1945 г., посвященная отдельным вопросам договорной ответственности: непреодолимой силе, реальному исполнению и ответственности за чужую вину. В этом труде виден первоклассный правовой анализ проблемы с позиций сравнительного правоведения. Аспекты договорной ответственности рассматривались и рядом других авторов с точки зрения развития положений римского права и имперского гражданского законодательства применительно к советским реалиям.

Что касается второго варианта — объяснения смысла существования имущественной ответственности по договорам в советских условиях, когда вместо игр с перемещением государственных средств можно было следовать ленинской заповеди: «Через партию шельмовать и выгонять» виновных лиц, то такие объяснения были предложены.

Так, в имущественной ответственности за невыполнение хозяйственных договоров видели необходимый элемент в общем комплексе средств, обеспечивающих выполнение хозяйственных договоров, а следовательно, и планов.

И поскольку руководители госпредприятий большой пользы от применения санкций не видели, к тому же опасаясь испортить отношения с партнером, в литературе отстаивался взгляд на то, что включение в договор условий об ответственности за ненадлежащее исполнение составляет важнейшую обязанность сторон.

О.С. Иоффе, автор фундаментальной работы по ответственности в советском гражданском праве, полагал, что нормы о такой ответственности выражаются в советских условиях не просто в имущественных санкциях, а в мерах, которые одновременно являются средством воспитания и перевоспитания советских людей. Это позволяет включить их в общую систему средств, применяемых в целях ликвидации пережитков капитализма в сознании советских людей, в целях создания нового морального облика советского человека в период строительства коммунистического общества.

Крупнейший цивилист Р.О. Халфина считала, что в отношениях между государственными социалистическими организациями применение санкций носит только стимулирующий воспитательный характер, оно не является экономическим орудием, не влияет на движение собственности. Названный автор полагала, что для того, чтобы применение санкций оказывало воздействие на такие организации, побуждая их надлежаще выполнять свои договорные обязательства, необходимо одновременно с применением санкций фиксировать внимание вышестоящих организаций, партийных и общественных организаций, коллективов предприятий на недопустимости такого положения.

В то же время судебная практика не имела тех возможностей, которые она получила в современной России, и объяснить это можно, в частности, тем, что хозяйственные отношения в СССР регулировались самым детальным образом громадной массой подзаконного нормативного материала. Иными словами, государственные арбитражи не имели того простора в организации правоприменения, который дает современный противоречивый ГК РФ.

3. Ответственность нашего периода, освободившись от тесных рамок советской идеологии, пошла вслед за западными образцами. Появились санкции, которые расширили горизонты ответственности; их следовало бы квалифицировать как околдоговорные. К ним прежде всего относится так называемая преддоговорная ответственность.

Обратимся к ст. 434.1 ГК РФ «Ответственность за недобросовестное ведение переговоров». В ней указано, что стороны обязаны действовать добросовестно, не допускать вступления в переговоры о заключении договора или их продолжения при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. При этом в качестве недобросовестных действий при проведении переговоров могут рассматриваться такие, как предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны; внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать.

Соответственно, сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки.

Под убытками, подлежащими возмещению недобросовестной стороной, понимаются расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Термин «расходы» говорит о возмещении только положительного ущерба, но с таким выводом не согласуется «утрата возможности заключить договор с третьим лицом». Поскольку, однако, прямых указаний на ограничение объема ответственности в приведенной норме нет, суды взыскивают упущенную выгоду.

Составы правонарушений, как указано в той же норме, не исключают применения к отношениям, возникшим при установлении договорных обязательств, правил об обязательствах из причинения вреда. Иными словами, правила околдоговорной ответственности не исключают применения механизма деликта.

Верховный Суд РФ, однако, ориентировал суды на применение к отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при проведении переговоров, в первую очередь норм ГК РФ о деликте, а составы правонарушений, отраженные в ст. 434.1 ГК, призвал применять как исключение, прямо оговоренное в законе.

Такой подход судов объясним желанием придать правоприменению четкое направление, с тем чтобы преодолеть размытые формулировки ГК РФ.

Еще один вариант околдоговорной ответственности, связанный с возмещением убытков, вызванных недостоверными заявлениями о значимых для договора обстоятельствах, следует отличать от возмещения имущественных потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств (ст. 406.1 ГК РФ), уже по той причине, что такое возмещение никак не связано с нарушением обязательства его стороной. Оно, скорее, представляет собой аналог страхования рисков, когда более сильная сторона настаивает на подобном обеспечении своих интересов, а слабая вынуждена согласиться.

И хотя данное положение включено в главу об ответственности, нет оснований отнести его к числу санкций за отсутствием претензий к поведению стороны, возмещающей такие потери.

Применительно к возмещению убытков следует поддержать воспринятое судебной практикой правило ст. 393 ГК о том, что размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности, причем суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных нарушением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности.

В то же время суды нередко придерживаются давно сложившейся практики отказов во взыскании неполученных доходов. Так, отказывая во взыскании упущенной выгоды, определенной в виде неполученного дохода от реализации удерживаемых арендодателем товаров арендатора, суды, в частности, сослались на отсутствие доказательства наличия у последнего

реальной возможности реализации товара, принятия мер по получению упущенной выгоды и сделанных с этой целью приготовлений.

Но при таком подходе к разрешению споров Верховному суду следовало бы дать руководящие разъяснения о допустимых доказательствах, подтверждающих возможность получения доходов, хотя бы по наиболее распространенным категориям споров.

4. Таким образом, выше рассмотрены три периода эволюции ответственности в договорном праве. Нет сомнений в том, что каждый из них может быть поделен на ряд стадий, осветить которые в формате статьи затруднительно.

Первый, имперский, период, основанный на постулатах римского и западного гражданского права с российской спецификой, послужил основой для строительства советской цивилистики, если не считать ее неизбежные экскурсы в сторону марксизма-ленинизма. Этот период отличался максимальным приближением к практике законодательства, изложенного четким и понятным языком. Его пробелы восполнялись судами в соответствии с предложениями доктрины.

В советский период роль ответственности определялась значением договора, а в нем практика не видела особого прока на фоне обязательных к исполнению плановых заданий. Этот фактор не мог быть преодолен посредством теоретических рассуждений о функциях хозяйственного договора.

В современный период ГК РФ строится по мере развития рыночной экономики с использованием западных образцов. Реализации его положений об ответственности мешают «размытые» формулировки норм ГК, что в известной мере корректируется судебной практикой. Последняя в результате по своему значению приблизилась к источникам права.

Литература

1. Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права : сборник статей. Сборник 1 / под редакцией М.М. Агаркова. Москва — Ленинград : Изд-во АН СССР, 1945.
2. Генкин Д.М. История советского гражданского права / Д.М. Генкин, И.Б. Новицкий, Н.В. Рабинович. Москва : Юридическое изд-во, 1949.
3. Донде Я.А. Хозяйственный договор и его роль в снабжении народного хозяйства СССР / Я.А. Донде, З.М. Фрейдман, Г.И. Чирков ; под редакцией М.П. Шалюпа. Москва : Госюриздат, 1953.
4. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1955.
5. Исаченко В.Л. Обязательства по договорам : Опыт практического комментария русских гражданских законов / В.Л. Исаченко, В.В. Исаченко. Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1914.
6. Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовые формы борьбы за качество продукции : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Ю. Кабалкин. Москва, 1950.
7. Можейко В.Н. Хозяйственный договор в СССР / В.Н. Можейко. Москва : Госюриздат, 1963.
8. Танчук И.А. Хозяйственные обязательства / И.А. Танчук, В.П. Ефимочкин, Т.Е. Абова. Москва : Юридическая литература, 1970.
9. Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего сената и комментариями русских юристов, извлеченными из научных трудов по гражданскому праву / И.М. Тютрюмов. Санкт-Петербург, 1895.
10. Халфина Р.О. Правовое регулирование поставки продукции в народном хозяйстве / Р.О. Халфина. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1963.
11. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич ; вступительная статья Е.А. Суханова. Москва : Спарк, 1995.
12. Экономические санкции и дисциплина поставок / под редакцией В.К. Мамутова. Киев : Наукова думка, 1976.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

С.С. ЗАНКОВСКИЙ, С.М. МОТУРЕНКО. Эволюция ответственности в договорном праве: от Российской империи до нашего времени 2

МИГРАЦИОННОЕ ПРАВО

И.С. ИКСАНОВ. Понятие и сущность миграции..... 6

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

А.Л. САНТАШОВ, М.М. ПОПОВИЧ. Дифференциация ответственности арбитражного управляющего при проведении процедуры банкротства предприятия 10

Г.Р. ГРИГОРЯН. О социально-правовой сущности корыстных имущественных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 13

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

Е.О. ФИЛИПОВА. Институт условного осуждения в уголовном законодательстве зарубежных государств 16

КРИМИНОЛОГИЯ

Т.А. ДАЛГАЛЫ. Киберкриминология: вызовы XXI века 19

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

А.И. АРТИЗАНОВ. Разумный срок гражданского судопроизводства как гарантия принципа процессуальной экономии 22

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Г.Б. ЧИНЧИКОВА. Об интерференционной сущности права и интерференционно-правовом эффекте правовых норм 24

Т.Н. ОГЛЕЗНЕВА, Р.Р. САДРИЕВА. Анализ правового равновесия между публичным назначением государства и его статусом в частном праве 28

Э.Ю. БАЛАЯН, С.С. СЫЧЕВ. Исполнение решений Конституционного Суда РФ по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод граждан 31

А.В. СИДОРОВА. Судебный риск в системе правовых рисков: общетеоретический аспект 34

Ф.И. ДОЛГИХ. Принудительная ликвидация политических партий за неучастие в выборах — анализ судебной практики 38

А.В. ШВАБАУЭР. Институт отобрания ребенка у родителей: недостатки правового регулирования и пути разрешения проблем .. 42

В.В. СТРЕЛЬНИКОВ. Об административно-правовых проблемах рассмотрения обращений граждан и организаций в прокуратуре... 45

Т.Е. МИТИНА. Совершенствование электронного документооборота в современных условиях работы правоохранительных органов 48

Д.А. ГАРБАТОВИЧ. Оказание медицинской помощи потерпевшему как обстоятельство, смягчающее уголовное наказание 51

А.С. ДУПАН, Ю.С. БИКБУЛАТОВА. Система правовых средств, используемых в целях защиты и восстановления прав человека, нарушенных в результате исследования генома и несанкционированного использования результатов исследования 54

Д.В. СЕДОВ, А.А. НЕСМЕЯНОВ. О распределении ответственности между водителем и дорожной службой за ущерб, причиненный в результате ДТП 58

СУДЕБНАЯ СТАТИСТИКА

Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году 61

В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Постановление по делу «Митянин и Леонов против России» [Mityanin and Leonov v. Russia] (жалобы № 11436/06 и 22912/06) (г. Страсбург, 7 мая 2019 г.) 71

Адреса авторов для переписки..... 79

CIVIL LAW

S.S. ZANKOVSKY, S.M. MOTURENKO. Evolution of liability in contract law: from the Russian Empire to our time 2

MIGRATION LAW

I.S. IKSANOV. Concept and essence of migration 6

CRIMINAL LAW

A.L. SANTASHOV, M.M. POPOVICH. Differentiation of the responsibility of the arbitration manager during the bankruptcy procedure of the enterprise..... 10

G.R. GRIGORYAN. On the socio-legal nature of self-serving property crimes committed using information and telecommunications technologies 13

FOREIGN LAW

E.O. FILIPPOVA. The institute of probation in the criminal legislation of foreign countries 16

CRIMINOLOGY

T.A. DALGALY. Cybercriminology: challenges of the XXI century 19

CIVIL PROCEEDINGS

A.I. ARTIZANOV. Reasonable time for civil proceedings as a guarantee of the principle of procedural economy 22

POINT OF VIEW

G.B. CHINCHIKOVA. On the interference nature of law and the interference-legal effect of legal norms..... 24

T.N. OGLEZNEVA, R.R. SADRIEVA. Analysis of the legal balance between the public purpose of the state and its status in private law 28

E.Y. BALAYAN, S.S. SYCHEV. Execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on complaints of violations of constitutional rights and freedoms of citizens 31

A.V. SIDOROVA. Judicial risk in the system of legal risks: general theoretical aspect 34

F.I. DOLGIKH. Forced liquidation of political parties for non-participation in elections — analysis of judicial practice 38

A.V. SCHVABAUER. Institute for taking a child away from parents: shortcomings of legal regulation and ways to solve problems 42

V.V. STRELNIKOV. About administrative and legal problems of consideration of addresses of citizens and organizations in prosecutor's office 45

T.E. MITINA. Improvement of electronic document management in modern conditions of law enforcement agencies..... 48

D.A. GARBATOVICH. Medical assistance to the victim as a circumstance mitigating criminal punishment..... 51

A.S. DUPAN, Y.S. BIKBULATOVA. System of legal means used to protect and restore human rights violated as a result of genome research and unauthorized use of research results 54

D.V. SEDOV, A.A. NESMEYANOV. About distribution of responsibility between the driver and road service for the damage caused as a result of road accident 58

JUDICIAL STATISTICS

Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates in 2019 61

AT THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Case [Mityanin and Leonov v. Russia] (complaints № 11436/06 and 22912/06). Resolution. Strasbourg, may 7, 2019 71

Addresses of authors for correspondence 79